

✦ Памяти наших коллег

От редакции

Прошло уже более полугодя, как ушел из жизни Владислав Жанович Келле, а в редакцию журнала продолжают поступать воспоминания и материалы об этом замечательном человеке и известном ученом, которому 21 октября 2010 года исполнилось бы 90 лет. Многие поколения наших философов и, шире, гуманитариев считают его своим учителем. Прошедшие научные мероприятия в Институте философии РАН и вечер памяти В.Ж. Келле, организованный редакцией журнала «Личность. Культура. Общество», на который мы пригласили его супругу – Ирину Борисовну Михайлову – доктора философских наук, и сына – Игоря, кандидата философских наук, показали, как много людей, окружавших Владислава Жановича, хотели бы поделиться своими впечатлениями о встречах и о совместной работе с ним.

Продолжая публикации, посвященные памяти Владислава Жановича¹, редакция открывает их воспоминаниями коллег и друзей, в т.ч. из Института философии РАН, других научных учреждений, с которыми прошли последние десятилетия его творческой деятельности.

Завершают отзывы ответы на вопросы Б.Г. Юдина и М.С. Киселева. Заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики, доктор философских наук, профессор Павел Дмитриевич Тищенко попросил их поделиться своими воспоминаниями о В.Ж. Келле. Редакция журнала оставляет эти вопросы открытыми для всех, кто знал Владислава Жановича лично, и мог бы познакомить научное сообщество с новыми фактами его жизни и творчества, поделиться своими воспоминаниями о совместной работе с замечательным человеком и ученым, который долгие годы был членом редакционного коллектива нашего журнала.

И.Ф. МИХАЙЛОВ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ДУХОВНОСТИ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОСЛЕДНИХ РАБОТАХ В.Ж. КЕЛЛЕ

В статье, предваряющей выход последней – по времени и, к сожалению, в жизни – монографии В.Ж. Келле «Интеллекту-

¹ См.: Личность. Культура. Общество. 2010. Вып. 3 (57 – 68). С. 389–416.

альное и духовное начала в культуре», дается обзор его основных идей, касающихся независимости и взаимной несводимости интеллектуального и духовного в различных человеческих культурах на различных этапах их развития. Автор обозначает также некоторые интересные выводы из этой концепции, которые могут иметь значение для философии и истории культуры.

The article anticipates the publication of the latest and unfortunately the last book by V. Zh. Kelle Intellectual and Spiritual Grounds of Culture. It offers an overview of his main ideas concerning the independence and mutual irreducibility of intellectual and spiritual elements in different human cultures at their different stages. The author also gives some interesting implications of this theory which may be relevant for the philosophy and history of culture.

Ключевые слова: интеллектуальное, духовное, культура, инновации, неокантианство, философия жизни, марксизм, постмодернизм.

Keywords: intellectual, spiritual, culture, innovation, neo-Kantianism, philosophy of life, Marxism, postmodernism.

Владислава Жановича Келле, советского и русского философа, автора классических работ в области социологии науки и философии культуры, не стало 2 августа 2010 г. Последние месяцы своей жизни он редактировал рукопись книги «Интеллектуальное и духовное начала в культуре», которая, согласно его замыслу, должна суммировать его многолетние размышления об этих не сводимых друг к другу «ветвях» единого человеческого жизненного мира (см., например, [1], [2]), а также об инновационном пути развития человеческих обществ (см. [3]). Мне выпала честь стать научным редактором этой книги. Работа с текстом потребовала обращения к предыдущим публикациям В.Ж. Келле на эти темы, равно как и к неопубликованным пока рукописям, поэтому я полагаю, что есть смысл бросить общий взгляд на ход его размышлений о составе человеческих культур и возможных путей их модернизации.

Профессиональные читатели и коллеги В.Ж. Келле знают, что идея идентификации и демаркации интеллектуального и духовного начал в единой культуре европейского типа занимала его в течение как минимум последнего десятилетия, стимулируя появление ряда статей на эту тему, а также выступлений в журнальных и устных дискуссиях (см. прим. 1). Изначальный импульс шел, по его собственному признанию, от социально-политической «злободневности», от мучительных попыток осмыслить и проанализировать причудливые пути российской истории. Однако анализ каждой проблемы автор осуществляет в контексте ее эволюции в истории философии, что помогает увидеть историко-культурные предпосылки расщепления, взаимовлияния и периодических взаимных поглощений основных начал человеческого мира — духовного и интеллектуального.

В.Ж. Келле показывает, как в эпоху классической античности из первоначального синкретического единства знаний и ценностей, характерного для мифологического сознания, постепенно впервые выделяется Логос — первое в человеческой истории мощное обнаружение интеллектуального начала культуры в виде совокупности техник рационального умозрения и рефлексии над эмпирическими данными. Решительная эмансипация рационального знания от мифологического дискурса была прервана в Средние века, когда, согласно известному определению, которое автор сочувственно воспроизводит, философия была низведена до положения «служанки богословия»; когда, таким образом, на долгие века был установлен приоритет

религиозной идеологической формы сознания над интеллектуальной ветвью культуры, развивающейся в форме рационального знания.

Накопление эмпирических знаний о природе в эпоху Возрождения привело к научной революции XVII в. и культу разума в эпоху Просвещения. Интеллектуальная ветвь культуры была восстановлена в правах, однако локомотивом этого движения стала не столько философия, сколько новорожденная эмпирическая наука — плод скрещивания ренессансной «натуральной магии» с возрожденным математическим пифагореизмом (см. прим. 2). И, поскольку оказалось, что, по меткому выражению Воннегута, это колдовство действует, новый образ знания, созданный Галилеем и Ньютоном на основе эмпирических наблюдений, математических расчетов и мистических интуиций, стал образцом рациональности (оставим поднадоевшую «парадигму») на ближайшие столетия.

В.Ж. Келле дополняет картину торжествующего разума описанием естественной реакции на интеллектуализм Просвещения со стороны духовной ипостаси культуры в форме немецкого романтизма. Шлегель и Шлейермахер вновь поднимают на щит ценностные, прежде всего, религиозные и эстетические, формы освоения мира. Но подлинно драматический поединок интеллекта и духа автор иллюстрирует учениями двух великих немцев: Канта и Гегеля.

За подробностями историко-философского анализа я предложил бы читателю обратиться к текстам В.Ж. Келле. Отмечу лишь, что, по мнению автора, особого внимания заслуживает подчеркивание Кантом приоритета практического разума — ценностной, нормативной составляющей сознания, служащей чистой формой для нравственности и религии. В интерпретации В.Ж. Келле, перевод этого утверждения на современный язык означает провозглашение иммунитета духовной культуры человека к универсалистским претензиям интеллекта от непомерных претензий интеллекта на универсальность, а следовательно, столь необходимую в наши дни прививку от некритического сциентизма и технократизма.

Совершая традиционный для нашей литературы переход от Гегеля к Марксу, автор подчеркивает важность и плодотворность Марксовой теории идеологии и превращенных форм сознания как опорной концептуальной схемы анализа духовного производства. По его словам, сама обсуждаемая проблематика выросла из безуспешных попыток перевести термин «духовное производство» на английский: 'spiritual production' привносит нехарактерный религиозный оттенок, а 'intellectual production' немного затушевывает субъект-субъектный характер открытого Марксом общественного процесса. Понятно, что речь идет о производстве идеологий, иллюзорность которых, согласно создателю Интернационала, точно отражает «превращенный» характер их «земной основы».

И здесь В.Ж. Келле, имея в виду традиционное отнесение Маркса к гегельянской традиции, показывает, что, отделяя науку от идеологии, Маркс де-факто делает шаг от панлогизма Гегеля в сторону Канта, предположительно добавляя аргументы в пользу философской аксиологии, бурно расцветшей в неокантианских школах.

Я бы отметил здесь одну трудность, с которой автор, безусловно, справился бы, если бы ему было отпущено чуть больше времени. Дело в том, что в рамках кантианской традиции ценности принципиально не сводимы к знаниям, те и другие — посланцы разных «миров» при человеческом разуме: мира свободы и мира «природы», то есть причинности. Но если и возможно каким-то образом увязать Марксову «иде-

ологию» с неокантианскими «ценностями», то существование идеологии связано с временным состоянием общества, и потому, согласно Марксу, она исторически переходяща: с преодолением социального отчуждения наука о природе и наука о человеке станут «одной наукой» [5, 124]. По-видимому, под «наукой о человеке» классик имел в виду не медицину или естественную антропологию, а как раз «науку о духе», о «ценностях» — ту самую «идеологию», что на «саморазорванной земной основе» становится превращенной формой сознания. Поэтому мне представляется, что Маркс, если и делает шаг в сторону Канта, то не слишком широкий и решительный, в целом оставаясь на гегельянской почве.

Рассматривая причудливые пути постклассической западной философии, В.Ж. Келле переходит от радикального аксиологизма Баденской школы, упрекая ее за вывод гуманитарного знания целиком из сферы интеллектуальной культуры, к ницшеанской «переоценке ценностей», далее — от крайнего эмпиризма и сциентизма Венского кружка к эпистемологическому релятивизму «эволюционной школы», еще более усиленному в социологии науки. Последние две тенденции он критикует за стирание грани между духовным и интеллектуальным началами культуры, за уподобление науки идеологическим формам сознания и лишение ее объективно-истинностного статуса. Дальнейший шаг в неоправданной релятивизации науки делает, по его мнению, современный постмодернизм, который автор считает в целом тупиковой ветвью в истории философии, за исключением, может быть, работ Фуко.

В.Ж. Келле демонстрирует эвристическую силу своей концепции, применяя ее к традиционной философской проблеме свободы. В истории философии он выделяет две принципиальные линии в решении этой проблемы: линию Декарта — Канта, ведущую к признанию сущностной автономии свободы, и линию Спинозы — Гегеля, трактовующую свободу как познанную необходимость. В рамках его схемы между этими по форме взаимно исключаящими друг друга противоречивыми решениями нет реального антагонизма: «познанная необходимость» есть форма присутствия свободы в интеллектуальной ветви культуры, тогда как для ее духовной ветви имманентна автономия свободы выбора, делающая возможной нравственность и другие нормативные формы сознания. Это различие снимается в предметно-деятельностном подходе Маркса, где действующий социальный индивид не только освобождается, познавая необходимые законы природы, но и демонстрирует подлинную автономию через творческое целеполагание. Творчество, согласно В.Ж. Келле, — не только высшая форма предметной деятельности, но и онтологическая форма присутствия свободы в мире. В свою очередь, марксистское «приземление» философской проблемы свободы через концепцию предметной деятельности наводит реальный, осязаемый мост между метафизическим измерением этой проблемы и вполне злободневными вопросами политических и правовых свобод.

Интересные импликации предлагаемой автором методологической установки мы находим и в обсуждении им проблем «традиционных обществ» и «техногенной цивилизации». Эмпирическая проблема выглядит как научно-технологическое лидерство цивилизации западноевропейского типа, которое делает модернизацию экономик и культур «второго» и «третьего» мира их жизненной потребностью, вопросом выживания. Однако у тех, кому предстоит модернизироваться, возникают понятные опасения: не будут ли они вынуждены наряду с западной наукой и технологиями перенять и парную им духовную культуру, что, естественно, будет означать

конец духовного и культурного своеобразия соответствующих народов. В. Ж. Келле утверждает, что опыт Японии и Китая, а также других стран Юго-Восточной Азии, помогает развеять эти опасения, убедительно свидетельствуя, что интеллектуальная и духовная ветви культуры достаточно независимы, чтобы сделать возможной научно-технологическую модернизацию без утраты национальной и культурной идентичности.

Может быть, не слишком большой самонадеянностью будет выглядеть попытка показать эвристический потенциал методологических идей В. Ж. Келле на проблемах и фактах, напрямую в его работах не затронутых.

На мой взгляд, идея двух ветвей (или элементов) культуры помогает внести дополнительную ясность в проблематику традиционных культур. Очевидно, что традиционные культуры (или «холодные общества») – это общности с ярко выраженным преобладанием духовного элемента в культуре, то есть с преобладанием, согласно определению В. Ж. Келле, культурных механизмов воспроизводства форм субъект-субъектных отношений, воспроизводства самой социальной «ткани», скрепляемой символическими системами. Если позволено воспользоваться психологическими аналогиями, это общества-интроверты, сделавшие собственные культурные основания главным предметом деятельности индивидов и групп. Поэтому ритуальная часть общественной деятельности, воспроизводство сакральных текстов, отнимает у них, по крайней мере, не меньше сил и времени, чем воспроизводство материальных условий жизни.

Случилось так, что в одном не самом крупном регионе земного шара открытие «колдовства, которое действует», кардинально изменило облик вовлеченных культур, обеспечив им технологические и военные преимущества. Культуры не вовлеченные оказались лицом к лицу с проблемой собственного выживания. Пережив эпоху колониализма, наиболее амбициозные из них, собрав все силы, пошли по пути модернизации, копируя на Западе все, что в принципе можно копировать, но имплантируя копии в собственную культурную почву или, если хотите, прививая их к стволу собственного культурного своеобразия. Учитывая сегодняшние тенденции, можно предположить, что культурное «лицо» будущей глобальной цивилизации будет определяться не столько «чистой линией» западной культуры, сколько ныне модернизируемыми гибридами западного интеллекта и восточной духовности.

Попутно замечу, что аутентичная западная цивилизация также в свое время приняла прививку чужеродной восточной духовной культуры путем принятия и освоения символики и культурных кодов одной из сект иудаизма, каковой тогда было христианство. По всей видимости, расплзающаяся и уже культурно неоднородная Римская империя остро нуждалась в скрепляющей государственной идеологии, на роль которой претендовали несколько конкурирующих культов восточного происхождения. Как выглядела бы наша культура, окажись вместо Иисуса в победителях Исида или Митра Непобедимый, сложно себе представить.

Очевидно только, что последующие века, в течение которых остатки Римской империи трансформировались в зародыши будущих европейских государств, стали свидетелями возвращения всего региона в статус «холодного общества» с доминированием духовной ипостаси культуры, в терминологии В. Ж. Келле. Моя гипотеза

состоит в том, что предвосхищенная греческим Логосом научно-технологическая трансформация Европы была отложена на несколько веков во имя символического и ритуального цементирование новых социальных организмов.

Я думаю также, что возможно помыслить некоторое расширение классификации Келле. Я бы предложил выделить в общественной динамике три решающих процесса: *материальное производство, воспроизводство общественных отношений и становление личности*. Тогда в системе культуры усматриваются три соответствующие подсистемы: (1) наука или, по Келле, интеллектуальная культура, (2) идеология или духовная культура и стоящее особняком (3) искусство.

Искусство мы специально здесь обсуждать не будем. Скажу лишь, что наиболее очевидной его экспликацией мне представляется привязка его к понятию «умения» (греч. *techne*) и «демонстрации умения». В этом смысле показательное выступление деревенского кузнеца на ярмарке имеет к искусству не меньшее отношение, чем написание Моцартом Сороковой симфонии.

Научный взгляд на мир являет три свои принципиальные версии: (1.1) строго детерминистскую, в духе кантовского понимания естествознания, (1.2) слабо-детерминистскую, допускающую действие необходимых (например, социальных) законов в форме статистических тенденций, и (1.3) герменевтическую, видящую принципиальное отличие социальной реальности как реальности символической и, следовательно, противопологающую гуманитарное понимание в науках о культуре научному объяснению в естествознании.

Пользуясь этой классификацией, можно, наконец, внести необходимую упорядоченность в демаркацию *естественных* (1.1), *социальных* (1.2) и *гуманитарных* (1.3) наук.

В области естествознания эти версии воплощаются, соответственно, в редуционистские теории вроде социал-дарвинизма или классического фрейдизма, «научную» социологию Конта, Маркса и Дюркгейма и «понимающую» социологию в вариантах Шютца, Уинча и др.

Наконец, в идеологии можно выделить (2.1) *квазитеоретические* формы (например, религиозные космогонии или политические доктрины) и (2.2) *ценностные* формы (мораль и т.п.). Такое мощное идеологическое образование, как религия, содержит обе составляющие: дескриптивную и (или) нарративную мифологию (2.1) и нормативно-регулятивную часть в форме заповедей и законов (2.2).

Наведение концептуального порядка таким способом помогло бы, например, вывести за пределы дискусионности самонадеянные публицистические наскоки вроде отстаивания равноправия Дарвина и Библии в школьном образовании. Сторонникам такого ложного плюрализма необходимо показать, что они ставят на одну доску формы сознания различной гносеологической и культурной природы, чья мнимая конкурентность в их представлении основана на *мнимом единстве их предмета*. Даже если бы наука отстаивала креационизм, а религия — эволюцию видов, это ничего не изменило бы в их *принципиально различной социокультурной природе*, а следовательно, и в их отношении к современному образованию и современному государству.

Предложенная здесь классификация наук может вызвать следующее возражение: современная физика, прошедшая через принцип неопределенности Гейзенбер-

га и боровскую «свободу воли электрона», уже не строго детерминистична. Тогда, по моей логике, ее можно было бы отнести к «научной социологии», что слишком экстравагантно. Я бы ответил так: предмет создается методом, а не наоборот. Это известно со времен Канта. Но метод, помимо чисто процедурных составляющих, содержит в себе и неявные онтологические допущения, иногда порождающие химеры вроде «теплорода» или мыслящих и протяженных «субстанций». Последовательная рациональная критика избавляет науку от них, иногда кардинально меняя картину мира. Мы не в состоянии справедливо оценить *степень химеричности нашего сегодняшнего мировоззрения*. Однако мы твердо уверены в том, что неклассическая физика и «научная» социология различны благодаря разным онтологическим допущениям, лежащим в их основе.

Кроме того, неклассические логики, вроде квантовой или «нечеткой» (fuzzy logic), могут находить совершенно различные применения в природном или социальном мирах, порождая эвристические метафоры вроде «свободы воли электрона». И кто знает, как изменится облик физики или социологии в ближайшем или, тем более, в далеком будущем. Но на то и шука, чтобы карась не дремал. Тем больше работы остается философам, не только объясняющим *после*, но и предсказывающим *до*.

Мои, возможно, поспешные и не всегда достаточно аналитичные заметки имели целью показать теоретический, методологический и эвристический потенциал, содержащийся в работах Владислава Жановича Келле. С точки зрения философской стилистики он был весьма сдержанным мыслителем, достоинством идей которого была их ясность и простота, чуждая стилистических эффектов, лексической и прочей экстравагантности. Это теоретическое «простодушие» в высоком смысле слова, все реже встречающееся в наши дни, наряду с нетривиальными идеями ушедшего от нас мыслителя составляет часть его научного наследия, и ценность этого качества его работ кристаллизуется и возрастает с течением времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Келле В. Ж. Духовная и интеллектуальная составляющие культуры // Вопросы философии. № 10. 2005. С. 38-54.
2. Келле В. Ж. Социальные аспекты взаимоотношения интеллектуальной и духовной ветвей культуры // Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования. М., 2008. С. 58-68.
3. Келле В. Ж. Информационная модель инновационной инфраструктуры // Математическое моделирование социальных процессов. М., 2009. С. 58-70.
4. Келле В. Ж. Духовность и интеллектуальный потенциал // В диапазоне гуманитарного знания: Сборник к 80-летию профессора М. С. Кагана. Серия «Мыслители». Вып. 4. СПб., 2001.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42.

Примечания

1. См., напр., [1], [4] и др.
2. В этом контексте автор подробно разбирает «археологию знания» Мишеля Фуко. Я бы добавил не менее мощный культурологический источник, хотя и созданный в художественной форме: «Остров накануне» Умберто Эко (*L'isola del giorno prima* – могу ошибаться, но, кажется, «Остров кануна» было бы точнее).